

1

«Коль у тебя есть мать, в себе ты носишь свет»,—
Не зря так говорят. Теперь я это знаю.
Тот свет в моей душе горел так много лет,
Что я привык и жил, его не замечая.
Но мама умерла. И свет, что мне светил,
Перед зарей погас. Конец. Вопрос решился.
И для меня в ту ночь рассвет не наступил,
И я его не ждал: я матери лишился.

2

Я помню: в детском сне я плакал, — снилось мне.
Что мама умерла, что я один остался.
Мне снился этот сон не раз и на войне,
И я тогда в слезах в землянке просыпался.
И весточку домой спешил скорей послать.
Боясь поверить в сон, надеясь, но несмело.
А нынче наяву похоронил я мать.
И дерево, в душе расцветшее, сгорело.

3

Когда мне, как другим, грозила смерть в бою,
Вдруг мать я вспоминал, и было легче все же,
Я знал: она потом оплачет смерть мою
И позабыть меня уже вовек не сможет.
И становился я от этого храбрей.
Шел в бой и презирал смертельную угрозу.
Нам силу придают и слезы матерей,—
Не только их слова, но даже слезы. Слезы.

4

А матери всех тех, кто раньше их терял,
Не хуже, чем моя, хоть их спокойны лица.
Снег горести на них, тот снег, что нынче стал
На голову мою уверенно ложиться.
О, руки матерей! С сегодняшнего дня
Я понял до конца, я знаю вашу силу.
О, все, кто матерей лишился до меня!
Я стал таким, как вы, и буду до могилы.
О, все, кто матерей лишился! Я сейчас

Всю вашу боль постиг. Отныне вашим стану.
Да, матери за жизнь нас ранят только раз,
Теперь и у меня в душе такая рана.

5

Все горы одолев, взвидя на перевал.
Являлся я к тебе. Ты сразу разводила
Огонь. И грелся я. И холод забывал.
Хотя луна в окно еще сквозь снег светила.
Но разделили нас такие горы льда,
Что их не одолеть, хоть век стремись упрямо.
И не приду к тебе я больше никогда.
Я не смогу к тебе прийти. Ты слышишь, мама!

6

Теперь я лишь во сне услышу голос твой.
Он очень далеко, совсем заглохли звуки.
И только лишь во сне увижусь я с тобой,
Увижу лишь во сне твои глаза и руки.
Руками лишь добро всю жизнь творила ты.
Глаза! — что может быть тех глаз теплей и ближе
Поток жестокий снес меж нами все мосты.
Я, мама, лишь во сне теперь тебя увижу.

7

Росли мы без отца. Последнее всегда
Ты отдавала нам. Сама недоедала.
Но все жив черный день душой была чиста,
И копоть горьких бед в тебе не оседала.
И ты не за себя страдала в горький час
Изгнанья — за меня тревожилась все время.
Когда болел, всю ночь ты не смыкала глаз.
Была ко всем добра, как у себя в Чегеме.

8

В изгнании, устав, к тебе я приходил
И головой к груди, как в детстве, прижимался.
И исчезало все, чем я измучен был,
И сам себе опять я мальчиком казался.
Казалось — вижу вновь любимой речки бег

И вообще вокруг земля родная наша,
Где медленно, как встарь, идет чегемский снег,
Где выйдешь — и в лицо дохнут ветра Кёк-Таша.

9

И сам не молод я. Но все любил сидеть
С тобой, как в детстве, лоб уткнув в твои колени.
Сидеть, закрыв глаза, не думать, не глядеть,
И ощущать себя ребенком в те мгновенья,
И радоваться так, как будто с детворой
Я только что поймал случайно птицу-чудо...
Мне больше никогда так не сидеть с тобой,
И больше никогда ребенком я не буду!..

10

Похоронили мать в сентябрьский ясный день.
Он очень ясен был, как радость, как начало.
Белели гребни гор, но мне казалось — тень.
Тень черная, как ночь, на горы набежала.
О, этот день в горах! Он чистотой слепил,
Он счастье обещал и не вязался с грустью,
Он чист был, как она всю жизнь. Таким он был.
Как помыслы ее, молитвы, сердце, чувства.

11

В земле теперь ты. Всё. Пришла впервые ночь,
Ночь без тебя. К тебе и ночь прийти не может.
Ты перешла за грань, ушла из жизни прочь.
Тебя ни дождь, ни снег теперь не потревожат.
А все как при тебе: деревьев желтизна,
Ветра с реки Черек поют — им горя мало.
На твой могильный холм льет ровный свет луна.
Она твое лицо недавно освещала.

12

Но, если трудно мне, иду в твой дом опять,
Утешиться хочу. Но вижу стул — и только.
И словно видом всем он хочет мне сказать:
— Ты ищешь мать? Ищи. Искать ты будешь долго.
Ищи! И я ищу. Нет смысла, но ищу.
Ведь можешь только ты помочь в моей печали.
Мне трудно без тебя, зову тебя, кричу.
Но даже эхо мне теперь не отвечает.

13

«Не плачь. Мужчиной будь! — ты говорила так
Мне в тягостные дни. — Терпи. Нельзя иначе».
И я терпел. Но тут не выдержал, размяк.
Как мальчик, я стою на кладбище и плачу.
Я плачу, мама. Да. Прости! Я в первый раз
Ослушался тебя сегодня у могилы:
За все года лишь раз сегодня, в скорбный час,
Я плачу. Ты прости — сдержаться нету силы!

14

«Сынок, не плачь по мне. Подумай. Я ушла,
Увидев, что ты жив, что дружишь с целым светом,—
Смерть раньше, чем тебя, меня к себе взяла.
Но ведь ее сама просила я об этом.
Об этом я сама молилась. И не раз. Что бунтовать?
Зима всегда сменяет осень.
Не верь, что жизни свет в душе твоей погас.
Живи. Будь тверд и мудр. Сын! Мать об этом просит.

15

Ты без меня живи, как жил до этих пор,
Будь справедлив, чтоб все друзья тебя любили.
А если на, себя ты навлечешь позор.
Твоя седая мать заплачет и в могиле.
Будь зорким, мой сынок. Ведь жить подчас трудней,
Чем умереть. О том и спорить глупо даже.
На страже я была, хранила честь детей.
Пусть мой могильный холм теперь стоит на страже».

16

Ты мне была судьей в дни счастья, в дни беды —
Во всем, что я любил, чего хотел добиться.
И первую всегда догадывалась ты
О том, что мне грозит опасность оступиться.
Хочу я, чтоб твоя святая доброта
Всегда жила во мне. Хочу я всей душой,
Чтобы твоя во мне осталась чистота.
И в том теперь клянусь здесь, над могилой стоя.

17

Мать умерла моя, уверенная в том.

Что все ж не навсегда мы расстаемся с нею.
«Не плачь, сынок, пойми — мы встретимся потом!»
Звучит в моих ушах все тише, все слабее.
Но все сильнее в душе моя слепая боль,
На горы посмотрел я в тягостной печали.
«Мать больше никогда не встретится с тобой.
Ты знаешь это сам!» — они в ответ сказали.

18

Теперь пришлось и мне то горе испытать,—
Я знаю, с ним вовек не разойдутся люди.
«А разве ты один вот так теряешь мать?
А разве не всегда так было, есть и будет?»
Так скажете вы. Что ж, я понимаю вас.
Вы правы. Это так. Но все ж я с этим спору:
Смерть матери ко всем приходит первый раз,
Для каждого она — невиданное горе.

19

«Ты людям будь всегда товарищем, сынок,—
Ведь в нашей жизни смысл не что-нибудь, а люди.
И если спутник твой упал и занемог,
Ты не бросай его, подумав: „Трудно будет!“»
Так говорила ты до смерти за два дня
И так жила всегда, хоть это трудно было.
Да будет твой завет законом для меня!
Ты слышишь? В том клянусь я у твоей могилы.

20

В моих стихах тепло от молока того,
Которым ты меня в младенчестве вскормила,
В нем — красота лица родного твоего,
И доброта твоя, и мягкость, — может, сила.
И я, как ты, умру. Но в жизни доброта
Останется — она для нас всего дороже.
И пусть мои стихи исчезнут навсегда,
Но не исчезнет жизнь и человечность тоже!..

21

О люди! Все, кому не отказал в тепле,

Кому полезен был — пусть даже и не прямо,
Кому не больше пусть, чем капля на стекле,
Но радость я принес, — благодарите маму.
Все те, с кем в жизни я сердечным, добрым был,—
За все мое добро благодарите маму.
Все те, кому в пути хоть раз я пособил,—
За все мое добро благодарите маму.
Все, кто листал не зря страницы книг моих,—
За все мое добро благодарите маму.
Все те, кого хоть раз сумел согреть мой стих,—
За все мое добро благодарите маму.

Перевел Н. Коржавин

